

Е.П. Андреева

Вологодский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО СЛОВА *БОГ* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00205/15
«Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома»*

В статье рассматривается история одного из ключевых сакральных слов и его дериватов в лексической системе диалекта. Основным источником исследования является Словарь вологодских говоров и его картотека наряду с данными других региональных словарей. Факты архаичных вологодских говоров дают возможность в ходе анализа поставить вопрос об экстралингвистических и интралингвистических причинах трансформации семантики сакральных слов, проследить адаптацию христианской лексики в народной речи, показать словообразовательный и семантический потенциал лексемы *Бог*. Наблюдение над развитием семантики слова *Бог* и его производных в вологодских говорах позволяет, с одной стороны, говорить об устойчивости сакральных сем в структуре значения диалектного слова, с другой стороны, выделить идеографические группы профанной лексики, связанные в народном сознании с сакрально-мифологической сферой. Анализ внутренней формы этих языковых единиц свидетельствует о специфике восприятия окружающего мира диалектным социумом.

Сакральная лексика, диалектные слова, семантическая эволюция, мотивированность, внутренняя форма языковой единицы.

Понятия сакрального (священного, религиозного) и профанного (секулярного, мирского) традиционно рассматриваются в философии и богословии, интерес к этим понятиям проявляют также исследователи в области социологии, культурологии, лингвистики. Новые аспекты изучения оппозиции сакральное – профанное возникают при обращении к фактам народной речи.

Православный взгляд на мир прочно закрепляется в крестьянском сознании. В частности, на это указывает М.М. Громыко: «Здоровые основы разных сторон крестьянской жизни были неразрывно связаны с верой. Православие было и самой сутью мировосприятия крестьянина, и образом его жизни» [4, с. 268]. Изучение лексики православия в архаичных вологодских говорах позволяет судить о функционировании сакрального слова в народной речи, о его адаптации, семантическом и словообразовательном потенциале. История таких слов представляет интерес и для этнографов, культурологов. Справедливо утверждение С.Ю. Дубровиной: «Диалекты аккумулировали семантический фундамент разных форм православия и на протяжении веков являлись трансляторами религиозного и социального опыта, культурных норм и традиций» [5].

В основе статьи лежат материалы Словаря вологодских говоров и его картотеки, а также Словаря говоров Русского Севера. Широко используется и картотека Словаря режского говора. Ее ценность для

данной работы обусловлена тем, что в течение длительного времени диалектологами Вологодского педагогического института под руководством Л.Ю. Зориной исследовался говор одной компактной территории – Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области.

Рамки статьи требуют некоторого ограничения в отборе материала: в центре внимания находится функционирование в лексической системе вологодских говоров слова *Бог* и его производных. Привлеченные источники свидетельствуют об активном употреблении в народной речи лексемы *Бог* в основном значении 'по религиозным представлениям – создатель Вселенной, всего сущего; высший разум, управляющий миром' [БАС₂: I, с. 657]. Показательны записи речи носителей режского говора. В сложной ситуации крестьянин искал защиты у Бога: *Уж како́й де́нь сто́ит така́я за́суха! Хо́ть бы до́ждика Бо́г дал! Сямжс. Монаст.* Когда трудное дело было успешно завершено, сельские жители с благодарностью вспоминали о Божьей помощи: *Всё се́но ско́сила да су́хое и сно́сила, ве́дь Бо́г-то мне прино́рови́л. Сямжс. Монаст. [КСРГ].* На Бога ссылались и при выполнении сложившихся традиций в праздники: *За́втра Ма́сленица, да́к сам Бог ве́лел пше́нничник спе́чь. В прос́тые-то днѝ из пше́нничной му́ки ниче́го не стра́паем. В-У. Пал. Приду́т славе́шники, пше́ню спо́ют, Бо́га посла́вят, а ты им и жи́та пода́шь в награ́ду. Славе́шников-то не*

бóльно мнóго бýло. Ходíли в Рожествó да Бóга слáвили. Сямж. Монаст. [КСВГ].

Наблюдение Л.Ю. Зориной над составом поговорок и пословиц в режском говоре показывает, что «частотным в режских паремиях является упоминание Бога, апелляция к нему как к защитнику, как к высшей силе» [6, с. 31]. Следует отметить, что в вологодских говорах употребляется и значительное количество фразеологизмов с компонентом *Бог*, например, *брáться за Бóга* ‘обращаться к Богу’, *Бог отвёл* ‘все обошлось благополучно’, *Бог чáсу не даёт* ‘о нехватке времени’, *Бóгу свéчка* ‘доброе дело, бескорыстная помощь’, *знéвать Бóга* ‘совершать неблагоприятные поступки, грешить’, *Бóг прибрáл* ‘о чьей-либо смерти’, *под Бóга попáсть* ‘погибнуть от удара молнии’ и др. [1, с. 169]. Показательно, что внутренняя форма последней идиомы свидетельствует о христианско-языческом синкретизме, характерном для религиозного сознания крестьянина. Фразеологический образ связан не столько с христианской идеей наказания за грехи, сколько с грозным образом славянского громовержца Перуна, культ которого является одним из самых древних в славянской мифологии. Об этом же говорит и фиксация слова *Бог* при описании грозы в следующих контекстах: *Бог на колесни́це ёдет, и завоссы́ло. Сямж. Монаст. Сгремéло, в́ышла стрелá, дак и загорéлось чтó-то. Бóг на колесни́це издит, тóркают у не́й колёса. Сямж. Грид. [КСРГ].*

Интерес представляет внутренняя форма фразеологизмов с пейоративной оценкой, в составе которых одним из компонентов является прилагательный *божий*: *как бóжий бычóк* ‘об очень глупом человеке’, *лику бóжьего не вид́но* ‘об очень грязной, запачканной вещи’, *ни бóжьим рóдом* ‘ни в коем случае, никогда, ни за что’ [КСВГ]. Отрицательная оценочность обусловлена либо семантикой одного из компонентов (лексема *бычок* в составе фразеологизма развивает семы ‘упрямый’, ‘тупой’, ‘глупый’), либо структурой фразеологической единицы: использованием отрицательной конструкции.

Отмечая сохранение традиций православной культуры в крестьянской среде, исследователи говорят и об их трансформации под влиянием времени, социальных факторов, в частности борьбы власти с религией, что отражается и в языке. В советское время большинство сельских храмов было закрыто, но люди пытались соблюдать церковные обряды и в этих условиях: *Вот килéничи приходíли к ей в ёкую-то изб́ушку и моли́лись Бóгу. Сямж. Монаст.* В режском говоре *келéйница* – ‘верующая женщина, самостоятельно отправляющая религиозный культ при отсутствии священнослужителей’ [КСРГ]. В этот период церковные требы в деревне могли совершать самые набожные крестьяне, обычно пожилые женщины, о чем свидетельствует такое устойчивое сочетание, как *ба́бушка-ангелу́шка* ‘женщина, которая при отсутствии священника крестила детей’: *Не, по́пá т́утока нет, дак ба́бушку-ангелу́шку зову́т. Сямж. Георг. [КСВГ].*

Следует учитывать и интралингвистические причины: «...любое общерусское слово в процессе эволюции языка допускает закономерное варьирование на отдельных его субуровнях, в том числе и семанти-

ческом» [7, с. 99]. Так, в вологодских говорах слово *Бóг* употребляется и в производном значении ‘икона’, возникшем на метонимической основе: *Бóх-то в пра́вом перéднем углу́ в избé висíт. Как зайдёшь в изб́у, перекрестíсь да и поклонíсь бóгу-то. Сок. Марк. Бóг-от всё вíдит. У меня́ вон в углу́ стои́т. Тарн. Хабар. [КСВГ].* Судя по данным СРНГ в указанном значении слово *Бог* известно вологодским говорам уже в XIX в.: *Как стукнули в передний угол, так боги и попадали с божницы. Волог., 1898 [СРНГ: вып. 2, с. 41].*

В вологодских говорах сакральная семантика дериватов мотивирована как основным, так и производным значением слова *Бог*. Обратить внимание на сложные существительные. Слово *богомóлье* в вологодских говорах имеет значение ‘сельский религиозный праздник’: *У нас богомóлье – Казанское, на Перхурье́ве – Спасов день, на Потепалове – дак Никола. Влг: У-Куб. [СГРС: вып. 1, с. 128].* В современном русском литературном языке *богомóлье* имеет иное значение – ‘поклонение особо почитаемым церковным святыням’ [БАС₂: т. 1, с. 657]. Как диалектное, так и общерусское значение лексемы *богомóлье* представляется производным, в старорусском языке основное значение многозначного слова *богомолíе* (*богомóлье*) – ‘моление, приношение молитв Богу’. Первая фиксация слова *богомолíе* в этом значении датируется 1598 г., семантический оттенок ‘богослужение’ встречается в памятниках XVII в., значение же ‘посещение церковных святынь’ возникает значительно позже: отмечено в актах 1700 г. [Сл. РЯ XI–XVII вв.: 1 вып., с. 263]. Таким образом, в вологодских говорах наблюдается отчасти свой путь развития семантики у отмеченной лексемы.

В группе наименования лиц функционируют такие слова-компози́та, как *богаде́льник* ‘старый набожный человек, строго соблюдающий все церковные каноны’ (*До чегó ж он богаде́льник, шо и молоко́ в пост не пьёт. Верх. Мезен.*) и соответственно *богаде́льница* ‘старая набожная женщина’ (*На́ша богаде́льница небóсь о́пять в це́рковь пошла́. Верх. Мезен.*) Интересно, что у первого слова развивается производное значение профанного характера – ‘старый человек, которому трудно работать’ (*А ра́ньше, как ста́рой ста́нет да раба́тать уж не мо́жет, говорят: богаде́льник*) [КСВГ].

Выделяется группа личных существительных со значением ‘крестный отец’ (*божа́т, божáтко, бóжка*, сущ. м.) и ‘крестная мать’ (*бóжа, божáта, божáтка, бóжка*, сущ. ж.), образованных суффиксальным способом. В СВГ и его картотеке находим также эмоционально окрашенные дериваты: *бóженька, божáтушка* ласк. ‘крестная мать’: *Бóженька, или крёсна моя́. К-Г. Новос. [СВГ: 1 вып., с. 35–36]. Божáтушка-то моя́ жива́ была́. Тарн. Никиф. [КСВГ].*

Заметим, что в больших крестьянских семьях в роли крестных родителей нередко выступали близкие родственники: дядя, тетя, старший брат, старшая сестра. Об этом свидетельствуют и рассказы диалектоносителей: *Дя́дя да и божáтко э́тому Алёхе он был. Влгд. Кус. Бóженька уж пя́ть лет как умерла́, ма́ткина сестра́ была́. Шексн. Поп. Сестра́ моёй ма́мы для меня́ божáтка. У-К. Залес.* В результате у основного значения первоначально развивается оттенок:

например, *божѧт* ‘дядя, крестивший племянника или племянницу’, *божѧтка* ‘тетя, крестившая племянника или племянницу’ [КСВГ]. Вследствие чего в дальнейшем закономерен переход отмеченных слов в профанную группу терминов родства, связь с сакральной лексикой становится формальной. Так, у лексемы *божѧт* отметим производные значения ‘дядя, брат отца или матери’ (Нѹ-ко, *божѧт*, говорѣм дѣде, попросѣсь, чтобы не идиѣ. *Вож. Ман.* Мне *божѧтом* приходѣтся. *Межд. Доров.*), ‘дальний родственник’ (Бывѧло, *божѧтом* прѣсто рѣдственника назывѧли, тѣлько не бѣжнего, а дальнего. *У-К. Залес.*). У слова *божѧтко* фиксируется значение ‘неродной отец’ (Милѧл Бог сѣна: дал еѹ отцѧ и *божѧткой* прозывѧть стѧли. *Влгд. Сяма*) [КСВГ]. Соответственно у слов *божѧта*, *божѧтка*, *бѣжка* возникает значение ‘тетка, сестра отца или матери’ (Племѧнушка зовѹт всѣ *божѧта* да *божѧта*. *Верх. Парав.*; *божѧтка* – дак ѣто пѧпиного брѧта женѧ бѹдет. *Верх. Бор.* Мѧтке-то Анна сестрѧ бѹдет, а мне – *божѧтка*. *Межд. Стар.*; Рѧньше тѣток всѣ бѣжкам звѧли. Тѣперѣ не зовѹт бѣжкам. А менѧ дѣвки Андрѣевы, дѣчки Семѣновны, всѣ бѣжкой зовѹт. Мы вѣдь с ней двоѹродные, не родные сѣстры, а онѣ всѣ равнѣ бѣжкой назывѧют. *Шексн. Кам.* [КСВГ]. *Божѧтка* отмечается и в значениях ‘старшая сестра’ (*Божѧтка, сестрѧ, омѣнивать вѣщи на еѹ ходѣла по деревнѧм в войнѹ. Сямж. Рам.*), ‘невестка’ (*У нас в семьѣ божѧткой невестку назывѧли. У-К. Залес.*) [КСВГ].

Синкретизм семантики отмеченных слов, безусловно, создает трудности в ходе лексикографического описания при разграничении выделенных значений. Сами диалектоносители ощущают многозначность этих слов, диффузность их значения и пытаются дифференцировать лексико-семантические варианты в контексте: *Рѧньше всѣ божѧ да божѧтко, дѣдя у менѧ божѧтко был, я и Алевтину, жѣну еѣ звала божѧ по еѹ, а настоящиѧ божѧ друга была. Влгд. Кривое* [СГРС: вып. 1, с. 131]. В отдельных говорах возникают синонимы-дублиеты, при этом многозначное слово переходит в пассивный запас. Так в шекснинском говоре слово *бѣжка* вытесняется лексемой *крѣска* с прозрачной внутренней формой: *Бѣжкой крѣстную звѧли рѧньше. Я вот Тайсѹ крѣтила в сороковыѣ, тогдѧ в цѣркви нѹсто бѣло, мѧло нарѣду. Онѧ менѧ всѣ крѣской зовѣт, а в старѣнѹ бѣжкой звѧли. Шексн. Кам.* [КСВГ].

Обратимся к словам с предметным значением. Лексемы *богѣвня*, *божѣца*, *божѣнка* обозначают ‘полку, киот для икон’, для них мотивирующим является неосновное значение слова *Бог*, отмеченное в вологодских говорах – ‘икона’: *Богѣвня, на ней икона стоѣт, или божѣца; богѣвни у богатых были. Влгд. Кур.* [СГРС: вып. 1, с. 128]. *Зачѣм иконѹ-то снялѧ с божѣнки? Влгд. Дѣвр.* *Божѣнка-то у неѣ большѧѧ, баскѧѧ. Влгд. Лев.* [СВГ: вып. 1, с. 36]. Варианты *божѣнка* и *божѣнка* в значении ‘церковь, часовня’ фиксируются в древнерусских памятниках XII в. [Сл. РЯ XI–XVII вв.: вып. 1, с. 272]. В вологодских говорах в значении ‘часовня’ употребляется деминутив *божѣночка*: *У клѧдбища божѣночка стояла. Тарн. Никиф.* [КСВГ].

В говоре Режи от лексемы *Бог* образуется группа прилагательных: *богѣбѣжнѣй* ‘верующий в бога, богѣбѣжнѣеннѣй’ (*Бѧбка-то былѧ у менѧ богѣбѣжнѣй, уж бѣльно в Бѣга вѣрила. Сямж. Монаст.*), *божѣственнѣй* 1. ‘относящийся к религии; церковнѣй’ (*Петрѣв-то дѣнь – божѣственнѣй прѧздниѣ. Рѧньше-то в цѣркве и заѹтреннѹ и вѣцѣрнѹ служѣли. Сямж. Монаст.*), 2. ‘верующий в Бога, религиознѣй, набожнѣй’ (*Фѧйна-то божѣственнѣя: все молѣтвы знѧет, в Бѣга вѣрит. Сямж. Монаст.*) [КСРГ]. СГРС отмечает в других вологодских говорах устойчивое наименование *божѣственнѣй угол* в значении ‘переднѣй угол в избе, где висѣли иконы’: *В божѣственнѣм углу иконы висѧт. Гряз. Клѣпиковѣ* [СГРС: вып. 1, с. 133].

Семантика рассмотренных дериватов свидетельствует об их функционировании в составе сакральной лексики. Развитие значения других слов, мотивированных лексемой *Бог*, происходило по пути движения от сакрального к профанному. Однако при этом следует отметить, что внутренняя форма и этих лексических единиц прозрачна, ее формирует общий сакральный семантический компонент.

Интерес представляет группа лексических единиц, образованных от прилагательного *богѣдѧннѣй*, т. е. “дѧнный от бога”, как формулирует этимологическое значение этого слова М. Фасмер [Фасмер: т. 1, с. 183]. В ее составе находятся существительное *богѣдѧнница* ‘дом, квартира мужа, куда после свадьбы переходит жить жена’ (*Зѧмуж вѣйдешь, так мѹжѣва квартирѧ зовѣтся богѣдѧница. Сямж. Монаст.*), субстантивированное прилагательное *богѣдѧннѣе* ‘родители мужа’ (*Богѣдѧннѣе в новѣм домѹ лѧсково встрѣтили. Влгд. Пер.*). В качестве семантического центра прилагательное выступает и в устойчивых сочетаниях *богѣдѧннѧ сторонѧ* ‘неродная сторона; местность, где проживает муж или жена’ (*Пошлѧ на богѣдѧннѹ стѣрѣну зѧмуж. Влгд. Филѹт.*), *богѣдѧннѣе родѣтели* 1. ‘родители мужа’ (*Богѣдѧннѣе родѣтели у менѧ хорѣшие бѣли. Влгд. Бѣгл.*) 2. ‘неродные родители, отчим и мачеха’ (*В обыѣных сѣмьѧх ѣтчим да мѧчеха, а в религиѣзных – богѣдѧннѣе родѣтели. Влгд. Сяма*) [КСВГ]. Показателен последний контекст, в котором подчеркивается употребление этих слов прежде всего в тех семьях, где сохранялись православные традиции.

Устойчивый оборот *бога ради*, характерный для русской православной речевой культуры, мотивирует значение слов-композигов. Так, прилагательное *богѣрѧднѣй* имеет значение ‘немошнѣй, убогѣй’: *Богѣрѧднѣй старѣк-ѣт, рѣбѣть не мѣжет. Хар. Негод.* [СВГ: вып. 1, с. 34]. Существительное *богѣрѧдище* ‘человек, который просит милостыню, нищѣй’ в контексте может усиливать пейоративную окраску: *Бѧбка-та у их ѣко багарѧдищиѣ, ѣто хоѣшь вѣтпросѣт. Тарн. Кѣки.* [КСВГ].

Сакральная семантика затемняется в составных наименованиях растений и животных, включающих прилагательные *бѣжѣй*, *бѣгов*, *богѣрѣдскѣй*, *богѣрѣдицкѣй*. Тем не менее частотность подобных номинаций не случайна: эти идеографические группы в народном сознании издавна относились к религиозно-мифологической сфере.

К сожалению, по данным словарей не всегда можно определить вид растения. Так, в СГРС дефиниция составных наименований *бо́гово сердё́чко* (*се́рдце*), *бо́говы ру́чки*, *бо́говы стака́шки* сводится к указанию на родовой признак – ‘травянистое растение’. О некоторых других отличительных чертах этих растений (место произрастания, пригодность в пищу, внешний вид) можно судить по приведенным контекстам: *Богово сердечко едят, по реке рвали, ели. Сок. Ядрово. У богово сердечка листочек как смятой, а по сторонам, как вырезано вся маленькая. Сок. Степановское. Боговы ручки в сырых местах, красны шишечки у них. Сок. Калитино. Боговы ручки кисточкой такой трава, по горушкам росла, мы ее ели. В-Важ. Михалево. Боговы стакашки мы звали, такие маленькие, синенькие, как стакашки. [СГРС: вып. 1, с. 127–128].* Название *бо́говы слё́зки* (*бо́гова слё́зка*) вопреки дефиниции, предложенной в этом словаре, в разных районах Вологодской области обозначает, по видимому, разные растения. В Никольских говорах его значение ‘чабрец’, что подтверждается контекстом: *Боговы слёзки – такие аленьки цветки, малы. Ник. Пермас.* В центральных говорах Вологодской области (Сокольском, Усть-Кубинском, Харовском), судя по иллюстрациям, вариант *бо́говая слё́зка* обозначает ‘растение трясу́нка семейства злаковых’: *Боговы слёзки серебристы, сердечки мелки-мелки, как жива трава. Всю зиму стоит, не вянет. Сок. Большое Яковково. Боговы слёзки – это такая как всё равно, что семена, мелконька, растёт в полях, как зёрнышко, идёт на леченье. У-Куб. Устье. У боговой слёзки стебелёк и на нём маленькие крупиночки, как слезинки. Хар. Кононцево [СГРС: вып. 1, с. 127].* Составное наименование *богорóдская тра́ва* тоже является многозначным. В Бабушкинском районе, судя по данным КСВГ, его значение – ‘лекарственное растение зверобой’: *Зверобой у нас и зовут, а как ещё боле? Только мама моя ещё богорóдской тра́вой звалá, а боле-то как? Баб. Зайч. Тра́ву эту богорóдскую как лечёбную собира́ли. Баб. Минк.* СГРС отмечает в верховажских говорах у составной номинации *богорóдская тра́ва* значение ‘растение чабрец’: *Богородская тра́ва или чабрец ещё говорят – тоже есть. В-Важ. [СГРС: вып. 1, с. 129].* В этом же значении указанный словарь отмечает варианты *богорóдицкая тра́ва* в харовских говорах, *богорóдная тра́вка* в нюксенских: *Богородной тра́вкой оку́ривают домови́шие. Нюкс. Красавино [СГРС: вып. 1, с. 129].*

Сочетание *бо́жий гри́б* ‘белый гриб’ показательно в аксиологическом плане: это один из самых ценных грибов, обладающий особым вкусом и тонким ароматом, что подчеркивают диалектоносители: *Бо́жьи-то гри́бы са́мые skúсные. Баб. Юрк. [СВГ: вып. 1, с. 129].*

Следует подчеркнуть, что составные фитонимы и миконимы с компонентами *бо́жий*, *бо́гов*, *богорóдский*, *богорóдицкий* сближают характер народной оценки. Как правило, речь идет о целебных или съедобных травах, растениях, обладающих приятным запахом, наиболее ценных грибах. Не случайно в составе подобных наименований используются такие сакральные слова, как *Бог*, *Богородица*, на что обращает внимание ряд исследователей [2, с. 64; 3, с. 36–37].

Прилагательные *бо́гов*, *бо́жий* используются и при номинации насекомых. Так, в результате метафорического переосмысления возникает составное наименование *бо́гов конё́к*, *бо́гова кобы́лка* (*лоша́дка*) в значении ‘кузнечик’: *Ой, богов конёк, посадишь на крест: богов конёк, дай медку! Он маленько плюнет. Сок. Лебечиха. Боговы кобылки прыгали, как закеркает – говорили, скоро страда будет. В-Уст. Подборье. Богова лошадка называли раньше, скачут которые. В.-Уст. Малиново [СГРС: 1 вып., с. 127].* СВГ отмечает составное наименование *бо́гов конё́к* в значении ‘сверчок’: *Сверчка́ у нас велича́ют ба́ско, бо́хов, говорят, конёк стрекóчет. Шексн. Романиково.* Название *бо́гова коро́вка* (*корову́шка*) ‘божья коровка’ строится по общерусской семантической модели: *Богова коровка маленька така с пятнышками. Сок., Куваево. Богова коровушка маленькая, басенькая. Пели всё: «Небесная коровушка, лети на небеса!» У-Куб. Большое Лыскарево.* Заметим, что в процессе номинации насекомых используются наиболее близкие для крестьянина образы: конь, лошадь, корова.

Анализируемые наименования растений и насекомых представляют собой косвенную номинацию. Переосмыслению подвергается прежде всего значение прилагательного (*бо́гов*, *бо́жий*). Второй компонент составного наименования либо обозначает родовой признак (*гри́б*, *тра́ва*), либо развивает переносное значение на метафорической основе (*слё́зки*, *сердечко*, *конё́к*, *коровка*).

Привлеченный к анализу фактический материал свидетельствует о большой функциональной нагрузке лексемы *Бог* в народной речи. Наблюдение над развитием семантики слова *Бог* и его производных в вологодских говорах позволяет, с одной стороны, говорить об устойчивости сакральных сем в структуре значения диалектного слова. С другой стороны, это дает возможность выделить идеографические группы профанной лексики, связанные в народном сознании с сакрально-мифологической сферой.

Описание внутренней формы этих языковых единиц свидетельствует о специфике восприятия окружающего мира диалектным социумом. Анализ оппозиции сакральное/профанное в народной речи показывает, что границы между сакральным и профанным словом в языке диалекта являются размытыми.

Литература

1. Андреева, Е.П. Культурная мотивация диалектных фразеологизмов (на материале «Словаря вологодских говоров») / Е.П. Андреева // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. – Вологда: Легия, 2012. – Ч. 10. – С. 167–172.
2. Бурмистрова, Т.Н. Лингвокультурологическая интерпретация сакральных фитонимов с прозрачной внутренней формой / Т.Н. Бурмистрова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2007. – № 3. – С. 62–65.
3. Гридина, Т.А. Модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова и др. // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. – Екатеринбург, 2001. – С. 34–49.
4. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – Москва: Молодая гвардия, 1991. – 269 с.
5. Дубровина, С.Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка: дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Дубровина С.Ю. – Тамбов, 2006. – 489 с. – Режим

доступа: <http://www.dissercat.com/content/khristianskaja-leksika-v-dialektah-russkogo-jazykau>

6. Зорина, Л.Ю. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей / Л.Ю. Зорина // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: Легия, 2016. – С. 30–38.

7. Панина, Ж.А. Праздник в архангельских говорах: семантика и сочетаемость» / Ж.А. Панина // Севернорусские говоры: межвуз. сб. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – Вып. 12. – С. 97–117.

Словари

БАС₂ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / под ред. К.С. Горбачевича. – Москва; Санкт-Петербург: Русский язык, 1991. – 864 с.

КСВГ – картотека Словаря вологодских говоров.

КСРГ – картотека Словаря режского говора.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 1. – 249 с.

Сл. РЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / сост. Н.В. Бахилина [и др.]; гл. ред. С.Г. Бархударов. – Москва: Наука, 1975. – Вып. 1. А–Б. – 371 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – Москва; Ленинград: Наука, 1965. – Вып. 1. – 306 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Астрель, 2003.

E.P. Andreeva

TRANSFORMATION OF THE SACRED WORD *GOD* AND ITS DERIVATIVES IN VOLOGDA DIALECTS

The article deals with the history of the most important sacred word and its derivatives in the lexical system of the dialect. The main source of the research is the Vologda Dialect Dictionary and its card files as well as the materials of other regional dictionaries. The analysis of archaic Vologda dialects raises questions on extra-linguistic and inter-linguistic reasons for the semantic shift of sacred words, and is traced to the adaptation of the Christian vocabulary in folk speech, thus revealing the derivational and semantic capacity of the lexeme *God*. The observation on the semantic evolution of the word *God* and its derivatives in Vologda dialects allows for, on the one hand, the steadiness of sacred senses in the structure of a dialect word, and, on the other hand, to point out the ideographic groups of secular vocabulary, which are connected with sacred and mythological sphere in the folk conscience. The analysis of inner forms of these language units shows the peculiarities of world perception in the dialect community.

Sacred vocabulary, dialect words, semantic evolution, motivation, inner form of a language unit.